

Н. Русова, В. Шевцов

«Шестое чувство»

Стихотворение подводит итог размышлениям автора о природе человека. Оно полемически направлено против романтико-символистской идеи «двоемирия». В трех первых строфах вводится традиционный конфликт между прикованной к земным наслаждениям («хлеб», «вино», «женщина») плотской стороной человека и его духовным миром, устремленным к «небесам». Возможно ли здесь примирение? — как бы спрашивает автор. Заметим, что убежденному романтику сама возможность постановки подобного вопроса не пришла бы в голову. Два полюса романтического сознания — дух и плоть — непримиримы по своей сути. Так или иначе, к концу третьей строфы развитие лирического сюжета достигает наивысшей остроты: кажется, что «земное» начало в человеке одерживает верх над «небесным» («...И мы ломаем руки, но опять / Осуждены идти все мимо, мимо»). Бездна надеждность подчеркивается двойным повторением наречия «мимо» и интонационной паузой.

Но затем автор всё же находит путь к выходу из тупика. Он рисует нам фантастическую картину появления у человека нового органа, способного улавливать высшие, божественные импульсы. Таким образом, духовное и плотское начала становятся истине неразделимы. «Орган для шестого чувства» — это, конечно, символ. Истинная тема стихотворения — внутренняя гармонизация каждой отдельной личности, гармонизация, которая дается постоянными усилиями над собой, настойчивым движением к трудно осязаемым целям.

Идея синтеза «земного» и «небесного» не сразу встает перед читателем во всей своей полноте. Сначала она подготавливается двумя развернутыми сравнениями в четвертой и пятой строфах. Эти сравнения — не простое «украшательство», они важны для развития лирического сюжета. Что, собственно, в них описывается? Мальчик, променявший свои незатейливые детские игры на едва осознанное «взрослое» любовное влечение, и некая «скользящая тварь», готовая вот-вот покинуть привычную среду обитания — «разросшиеся хвощи» — для того, чтобы подняться в небо. Эти образы несут в себе необходимый для понимания последней строфы мотив эволюции (вспомним биологию: онтогенез — эволюция отдельной особи и филогенез — эволюция вида).

Как видим, Гумилев — диалектик. По его мнению, и духовное, и плотское начала свободно уживаются в нашем сложном мире, и своими корнями дух прорастает именно в телесности.

Стихотворение строится по схеме «тезис — антитезис — синтез», известной еще с античности, причем вторая строфа представляет собой риторический вопрос. Это приемы ораторской речи. Благодаря их использованию читатель отчетливо воспринимает все этапы движения авторской мысли. Именно мысли, а не переживания! И именно движения, ведь мысль формируется на наших глазах. Мерная поступь пятистопного ямба, строго выверенный отбор образных средств, протяженность интонационно-синтаксических структур (в стихотворении всего пять предложений!) предельно сосредоточивают наше внимание на выражаемой мысли, чрезвычайно глубокой и звучащей весьма актуально в наши дни.